

Страны, присоединившиеся до 2004 года	Страны, охватываемые процессом стабилизации и объединения (СИО)
Страны, присоединившиеся в 2004 году	Страны, охватываемые инициативой «Расширение Европы»
Страны-кандидаты	

За пределами интеграции

Согласование социальных предпочтений Европы с устойчивым экономическим ростом

Майкл Депплер

ПЕРВОГО мая в Европейский союз (ЕС) вступило десять новых государств-членов, что явилось крупнейшим расширением этого сообщества со времени его основания. Уже через 15 лет после падения Берлинской стены к ЕС присоединилось восемь стран Центральной и Восточной Европы, а также Кипр и Мальта, благодаря чему число стран-членов Союза увеличилось на две трети, территория — на одну четверть, а численность населения — на одну пятую (до более 450 миллионов человек). Ожидается, что этот новый шаг на пути европейской интеграции будет способствовать дальнейшему укреплению мира на европейском континенте и его процветанию. Однако это событие омрачается серьезными сомнениями в Европе и за ее пределами относительно способности ЕС адаптироваться к меняющимся условиям.

В области экономики основную причину для беспокойства представляют низкие показатели экономического роста в Европе — в частности, в 11 странах, находящихся в эпицентре европейской интеграции и использующих евро в качестве единой валюты, — по сравнению с остальным миром, особенно Соединенными Штатами. Обеспокоенность вызвана прежде всего проблемами, связанными с ухудшением долгосрочных тенденций роста производительности и использования трудовых ресурсов, а также, в перспективе, с сокращением рабочей силы из-за старения населения.

Однако эти структурные проблемы приобретают еще большую актуальность в связи с опасениями относительно крат-

косрочных перспектив. При том что зона евро совсем недавно начала выходить из затяжного спада и, по всей видимости, ее экономический рост зависит от экспорта, курс евро по отношению к доллару США резко повысился, а дефицит счета текущих операций США составляет пять процентов ВВП, перспективы глобального экономического роста, а также экономического роста европейских стран в значительной степени зависят от того, удастся ли Европе повысить темпы роста за счет внутренних факторов. Эти опасения усугубляются еще и тем, что налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика в зоне евро излишне ориентирована на поддержание среднесрочной стабильности и не уделяет достаточно внимания поддержанию спроса в краткосрочном плане. Если рассматривать эти проблемы в сочетании с существующей озабоченностью относительно последствий старения населения для долгосрочного экономического роста и устойчивости налогово-бюджетной сферы, напряженностью, вызываемой иммиграцией, и международной критикой в адрес значительного протекционизма в сельском хозяйстве, становится очевидно, что расширение союза пришлось на период больших сомнений и опасений по поводу интеграции.

Для того чтобы рассмотреть эти вопросы в определенной перспективе, полезно отступить назад и взглянуть на послевоенную историю экономического развития Европы. В настоящей статье предпринимается попытка сформулировать основу для понимания основного вопроса: может ли базовая социально-экономическая модель ЕС обеспечить устойчивый рост, или для достижения устойчивого экономического роста потребуются адаптация европейской модели. Глядя вперед с такой точки зрения, можно предположить, что перспективы не столь мрачны, как иногда полагают наблюдатели, но и не столь радужны, как можно судить, исходя из предпочтений европейской политики.

1945 Окончание Второй мировой войны; оккупация Берлина союзниками.

1947 «Железный занавес» холодной войны разделяет восточную и западную часть Европы.

1950 Министр иностранных дел Франции Роберт Шуман выдвигает предложение об интеграции угольной и сталелитейной промышленности Западной Европы.

Два стимула развития Европы

Послевоенные тенденции определялись многими факторами, однако можно считать, что они отражали воздействие двух общих стимулов, которые то ослабевали, то усиливались, а иногда и действовали в противоположных направлениях: стремление обеспечить социальную солидарность и справедливость, с одной стороны, и стремление укрепить финансовую дисциплину и повысить эффективность экономики — с другой стороны. Эти предпочтения имеют глубокие исторические корни. Аспект солидарности отражает всеобщее стремление к социальному миру и единству, в основе которого лежит политика социального обеспечения, проводимая с конца XIX века, политические и социальные потрясения первой половины XX века, апогеем которых стала Вторая мировая война, а также относительная однородность населения Европы. Аспект укрепления дисциплины, как это ни удивительно, обусловлен теми же причинами. Чаще всего приводится пример Германии, где настойчивое стремление к экономической стабильности можно проследить до времен разрушительной гиперинфляции в начале 1920-х годов. Эти два стимула побуждали многие страны создавать все более щедрые системы социального страхования, основанные на текущих поступлениях, — системы, в рамках которых социальные расходы обеспечивались путем дисциплинированного самофинансирования. Со временем европейские традиции корпоративности в сочетании с различными формами «социального партнерства» упрочили эту структуру (во благо или во зло) на всех уровнях общества.

Эти предпочтения существуют и сегодня. По существу, континентальная Европа привержена идее «государства всеобщего благосостояния», основанного на финансовой дисциплине. Все страны стремятся к обеспечению устойчивого экономического роста, о чем свидетельствует призыв превратить Европу в «самую динамичную и конкурентоспособную экономическую систему в мире», прозвучавший на саммите ЕС в Лиссабоне в марте 2000 года. Однако в связи со стремлением к росту возникают разногласия. Попросту говоря, как лучше всего добиться экономического роста — за счет дисциплины (и применения подходов, больше ориентированных на производство и требующих адаптации социальной модели) или за счет солидарности (и применения подходов, которые могут потребовать если не ослабления финансовой дисциплины, то увеличения расходов)? Хотя эти разногласия носят принципиальный характер, обе стороны стараются не ставить под сомнение, по крайней мере вслух, основные ценности другой стороны — государство всеобщего благосостояния и финансовую дисциплину. Причина проста: избиратели вот уже в течение многих десятилетий отдают явное предпочтение сочетанию этих двух ценностей. Поэтому общая направленность экономической политики — обеспечение обоих условий, к чему и призывает Лиссабонская декларация.

Движущие силы интеграции

В послевоенный период движущими силами европейской интеграции были солидарность и дисциплина, причем солидарность выполняла функцию трамплина. После двух катастрофических мировых войн она явилась импульсом к устра-

нению барьеров и повышению уровня жизни благодаря сближению доходов на душу населения — процессу, известному под названием реальной конвергенции. В этом отношении зарождение ЕС можно проследить вплоть до создания Европейского объединения угля и стали в 1952 году. Двумя следующими вехами реальной конвергенции стали Римский договор (1957 год) о создании Европейского экономического сообщества (таможенного союза с общими внешнеторговыми тарифами и единой сельскохозяйственной политикой) и Единый европейский акт (1986 год), обязавший все страны-члены ЕС создать единый рынок товаров, услуг, капитала и труда.

Со временем это стремление к европейской интеграции было дополнено укреплением дисциплины, о чем, вероятно, наиболее наглядно свидетельствуют тенденции развития институциональной системы, призванной обеспечить стабильность цен и финансов на всей территории союза, — так называемая номинальная конвергенция. На начальном этапе дисциплина обеспечивалась Бреттонвудской системой валютных курсов. Однако распад этой системы в начале 1970-х годов заставил срочно заняться поисками нового номинального якоря, завершившимся созданием в конце 1970-х годов Европейской валютной системы (ЕВС), действовавший в рамках этой системы курсовой механизм ограничивал колебания курсов валют участвующих стран, причем роль Германии как страны номинального якоря стала неоспоримой. Однако в условиях продолжавшихся номинальных расхождений и связанного с ними давления на валютные курсы в рамках курсового механизма стала очевидна необходимость дальнейшей конвергенции в макроэкономической политике. Завершающая стадия этого процесса пришлось на начало 1990-х годов, когда либерализация операций с капиталом и объединение Германии привели к кризису курсового механизма 1992 года, ускорившему ратификацию Маастрихтского договора и составление плана Экономического и валютного союза (ЭВС). Теперь страны, намеревавшиеся вступить в Союз, обязаны были выполнить также другие критерии номинальной конвергенции, в частности, в отношении инфляции, бюджетного дефицита и государственного долга. Впоследствии бюджетные положения договора были воплощены в нормативном акте, известном как Пакт о стабильности и росте (ПСР). В начале 1999 года 11 стран-членов ЭВС необратимо зафиксировало свои обменные курсы и ввело евро в качестве единой валюты, а учрежденный непосредственно перед этим Европейский центральный банк (ЕЦБ) взял на себя задачу проведения единой денежно-кредитной политики в зоне евро (см. раздел «Возвращение к основам» на с. 14).

Быстрое продвижение к углублению экономической интеграции сопровождалось столь же энергичным ее расширением по мере стремительного увеличения масштабов ЕС, которое должно продолжаться даже по завершении последнего раунда расширения (см. карту). Европейское объединение угля и стали включало шесть стран в самом центре Европы (Бельгию, Германию, Италию, Люксембург, Нидерланды и Францию). В результате последующих этапов расширения в 1973 году (Ирландия, Дания и Соединенное Королевство), 1981 году (Греция), 1986 году (Испания и Португалия) и 1995 году (Австрия, Финляндия и Швеция), количество стран-членов

1952 Создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), в который вошли шесть членов: Бельгия, Западная Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды и Франция.

1957 Шесть стран-членов ЕОУС подписали Римские договоры, создав ЕВРАТОМ и ЕЭС. Предприняты первые шаги по формированию «общего рынка».

1967 Объединение ЕОУС, ЕВРАТОМ и ЕЭС. Создание единой комиссии и единого совета министров.

ЕС увеличилось до 15. К тому времени планы в отношении ЭВС выкристаллизовались в рабочую программу. Последнее расширение ЕС первого мая этого года увеличило масштабы Союза до 25 стран, существенно отличающихся друг от друга в экономическом и культурном отношении.

Однако это едва ли станет завершением территориального процесса, который (согласно Римскому договору) должен привести к «все более тесному союзу народов Европы». Болгария и Румыния уже продвинулись в переговорах о вступлении в Союз и могут присоединиться к нему через несколько лет. Турция также является кандидатом на вступление, и ожидается, что решение о начале переговоров будет принято в декабре 2004 года. Следующими могут стать государства западной части Балканского региона. Новая инициатива ЕС «Wider Europe Neighborhood», которая охватывает 14 стран на восток и на юг от Союза и направлена на создание «круга друзей», с которыми ЕС стремится поддерживать миролюбивые отношения сотрудничества на основе общих ценностей, представляет собой шаг, выходящий за пределы интеграции. Швейцария и Норвегия остаются за пределами ЕС.

Интеграция была одним из главных источников экономического роста Европы. Она составляла неотъемлемую часть быстрой реальной конвергенции между Европой и США на протяжении большей части послевоенного периода, а создание общего рынка многие считают событием, которое способствовало значительной активизации торговли между европейскими странами и экономическому росту региона. Действительно, факты указывают на то, что после создания ЭВС продолжалось улучшение ситуации в торговле между странами зоны евро. Более того, со временем объем торговли со странами, не входящими в ЕС, также увеличился, хотя ранее существовали опасения того, что динамика будет противоположной. В то же время стимулирование номинальной конвергенции, особенно на основе критериев Маастрихтского договора и посредством создания ЭВС, способствовало улучшению дисциплины в налогово-бюджетной и денежно-кредитной политике, снижению инфляции до низких однозначных показателей по всей Европе, а также, по крайней мере на какое-то время, активизации реформ в большинстве будущих стран-членов. Действительно, к началу 1990-х годов для стран Восточной Европы ЕС по праву стал образцом продуманной макроэкономической политики, стремления к повышению реальных доходов, а также демократии, солидарности и прав человека: членство в Союзе стало для правительств приоритетной задачей, которая позволяла им заручиться поддержкой населения, необходимой для преодоления трудностей переходного периода.

Снижение темпов роста

Хотя интеграция способствовала повышению темпов экономического роста, во многом благодаря стимулированию изменений на национальном уровне, ее позитивное воздействие постепенно вытеснялось менее благоприятными эффектами, связанными с негибкостью внутренней политики. Исходная ситуация была иной. В первые годы европейская модель была эффективной во всех отношениях, обеспечивая социальную сплоченность, финансовую дисциплину и быстрый экономический рост. В первые три десятилетия послевоенного периода,

когда показатели доходов, занятости, инвестиций, потребления и благосостояния постепенно повышались, положительно влияя друг на друга, реальная конвергенция с показателями США происходила без видимых усилий. Конвергенции отчасти способствовала дисциплина, диктуемая извне Бреттонвудской системой, и относительно благополучные показатели инфляции и связанные с ними финансовые результаты.

Однако последующие три десятилетия оказались трудными. Сочетание двух крупных шоков в области цен на нефть, все более щедрой системы социального обеспечения, нереалистичных ожиданий в отношении доходов, сформировавшихся в период быстрого намерствования темпов роста, и ослабления финансовой дисциплины, связанного с распадом Бреттонвудской системы, привело к существенной макроэкономической нестабильности и диспропорциям. Действительно, проводившиеся в 1970-е годы эксперименты с активными мерами кейнсианской политики стабилизации потерпели неудачу, и подобная политика была признана несостоятельной, особенно в Германии. В конечном счете система вернулась к исходной парадигме. Она обеспечивала защиту занятости и реальных доходов работающего населения, но при этом вновь была ориентирована на укрепление финансовой дисциплины путем все более широкого принятия немецкой марки в качестве валюты-якоря. Результатом стало значительное повышение налогов на рабочую силу, которое в конечном счете привело к снижению уровня занятости, но способствовало росту инвестиций. Это позволило повысить производительность труда и сохранить конкурентоспособность работающего населения.

По мере роста безработицы происходила дальнейшая адаптация системы. Ограничение заработной платы в сочетании с мерами по снижению стоимости рабочей силы и ослаблению ограничений на рынке труда, особенно в новых государствах-членах, привело к существенному повышению уровня занятости с середины 1990-х годов. Маастрихтский договор, ЭВС, ЕЦБ и ПСР пришли на смену марке ФРГ в качестве механизма обеспечения финансовой дисциплины.

И все же в целом экономические показатели Европы оставались незавидными. До середины 1990-х годов доходы на душу населения не превышали примерно 75 процентов от уровня США, а быстрый рост производительности труда нейтрализовался низким уровнем занятости. Затем доходы на душу населения понизились до примерно двух третей от уровня США, что было связано с замедлением темпов роста производительности в Европе и их повышением в США во второй половине 1990-х годов (см. рис. 1). Отрицательное восприятие столь низких показателей зоны евро усугублялось еще большими и все более очевидными различиями в темпах роста ВВП, обусловленными различиями в темпах роста населения между континентами, разделенными Атлантическим океаном.

Чрезмерная стабильность и дисциплина?

Нередко считается, что замедление экономического роста во многом объясняется «склонностью к стабильности» стран ЕС (или зоны евро), то есть нежеланием принимать антициклические меры политики по регулированию спроса, которые включали бы стимулирование спроса (путем снижения процентных ставок и увеличения бюджетных дефицитов) в периоды низких темпов роста и ограничение спроса (путем повы-

1973 Дания, Ирландия и Соединенное Королевство вступают в ЕЭС.

1979 Первые прямые выборы в Европейский парламент.

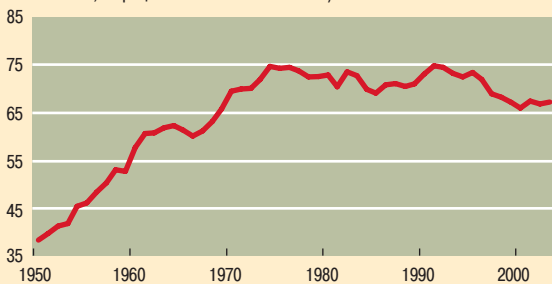
1981 Первые прямые выборы в Европейский парламент.

Рисунок 1

Спад экономических показателей

В середине 1970-х годов рост доходов на душу населения в зоне евро остановился на уровне примерно 75 процентов от уровня США, а с середины 1990-х годов пошел на убыль.

(ВВП на душу населения в зоне евро на основе паритета покупательной способности; в процентах от значения по США)

Источники: база данных Европейской комиссии—АМЕКО; аналитическая база данных ОЭСР; оценки сотрудников МВФ.

шения процентных ставок и сокращения бюджетных дефицитов или профицитов) в периоды высоких темпов роста. Как указывалось ранее, основы европейской макроэкономической политики действительно в значительной мере определяются стремлением обеспечить дисциплину, то есть желанием ограничить то, что рассматривается как накопление денежно-кредитных и бюджетных рисков (в конечном счете пагубно влияющих на экономический рост), связанных с неконтролируемыми политическими и социальными процессами. В частности, начиная с 1970-х годов, особое внимание уделялось обеспечению и поддержанию среднесрочной стабильности, а не регулированию совокупного спроса в краткосрочной перспективе путем проведения антициклической политики. Эта тенденция является следствием определенного Маастрихтским договором мандата ЕЦБ: «основная цель ... заключается в поддержании стабильности цен». Она также очевидна из положений договора, касающихся обеспечения стабильности государственных финансов: «Государства-члены должны избегать чрезмерного дефицита государственного бюджета», причем соблюдение этого предписания оценивается относительно контрольных значений, составляющих три процента ВВП для бюджетного дефицита и 60 процентов для отношения долга к ВВП.

Этот явный акцент на стабильность может ввести в заблуждение относительно макроэкономической политики. Высказываемые в адрес европейских институтов критические замечания о том, что они не уделяют достаточного внимания циклическим соображениям, как правило, игнорируются; когда же критики повышают голос, чувствуя, что к ним не прислушиваются, еще больше людей начинает думать, что критические замечания более обоснованны, чем считалось раньше. А тот факт, что на практике меры политики были достаточно хорошо увязаны с экономическим циклом, теряется в пылу дискуссии. Этот разрыв между риторикой и реальностью является помехой как для ЕЦБ, так и для ПСР.

В этой связи ЕЦБ критикуют за то, что он устанавливает процентные ставки без должного учета циклических условий, ЕЦБ же в ответ на критику заявляет, что его миссия неверно понята. Его девизом всегда была «стабильность цен во все времена». Однако в действительности он занимается главным образом таргетированием инфляции с учетом воздействия на нее экономического роста. Это отчасти остается незамеченным, поскольку риторика внушает ошибочное предположение о том, что ЕЦБ действует в таких же экономических условиях, что и Федеральная резервная система США. Фактически же условия, в которых действует ЕЦБ, характеризуются — по крайней мере, частично, в связи с наличием элемента социального обеспечения в европейской парадигме — гораздо менее значительными спадами производства (и колебаниями уровня занятости) и гораздо более устойчивой инфляцией, чем Федеральная резервная система. Эта риторика, как правило, скрывает то обстоятельство, что различия в политике в основном объясняются этими различиями в условиях.

То же расхождение между риторикой и реальностью наблюдается в случае ПСР. Многие критикуют этот пакт, считая его несовершенным инструментом антициклической политики. Это едва ли удивительно, поскольку по своей юридической сути он призван попросту определять лимиты, а не формулировать антициклическую политику в рамках этих лимитов. Тот факт, что эти лимиты установлены в отношении фактических (а не скорректированных с учетом циклических факторов) сальдо бюджета, делает еще более весомым критический аргумент о проциклическом характере пакта; представляется, что пакт требует сокращения дефицита в периоды его увеличения вследствие замедления экономического роста, что приводит к снижению экономической активности, и наоборот.

Однако в действительности налогово-бюджетная политика в рамках ПСР является значительно менее проциклической, чем в период после того, что теперь называют «кейнсианскими злоключениями 1970-х годов» (см. статью «Европа в поисках бюджетной дисциплины» на с. 22). Более того, несмотря на широко распространенные противоположные мнения, в зоне евро в целом налогово-бюджетная политика после введения евро, как правило, допускала полноценное функционирование так называемых автоматических стабилизаторов, то есть налогово-бюджетных механизмов (таких как подоходные налоги и пособия по безработице), которые автоматически гасят циклические колебания, стимулируя спрос в периоды экономического спада (из-за снижения налоговых поступлений) и ограничивая спрос в периоды усиления инфляционного давления (в результате повышения налоговых поступлений). Учитывая различия в размерах сектора государственного управления по отношению к экономике, в Европе автоматические стабилизаторы примерно в два раза больше, чем в Соединенных Штатах.

Ситуация еще больше осложняется фактической эволюцией основ европейской политики в последние несколько лет в направлении большего согласования подходов с циклическими колебаниями. Одним из примеров является постепенное сужение применяемого ЕЦБ определения стабильности цен, которое ранее предусматривало диапазон инфляции от нуля до двух процентов, затем было фактически ограничено одним-двумя процентами, а совсем недавно — значением «чуть

1986 Испания и Португалия вступают в ЕЭС. Акт о единой Европе обязует все государства-члены стремиться к созданию единого рынка товаров, услуг, капитала и труда

1989 Падение Берлинской стены.

1992 Маастрихтский договор учреждает (ЕС). ЕС ставит целью создание (ЕВС), включая введение единой европейской валюты, регулируемой Европейским центральным банком.

ниже двух процентов». Другим примером является постепенное признание роли автоматических бюджетных стабилизаторов, оценок циклически скорректированных показателей сальдо бюджета для измерения базовой бюджетной позиции и задачи достижения базовой сбалансированности в среднесрочном плане при проведении оценок налогово-бюджетной политики в связи с ПСР. Система стремится найти такие решения, которые сочетали бы в себе дисциплину и надлежащую политику регулирования спроса.

Тем не менее различие в подходах к проведению макроэкономической политики в Европе и США сохраняется: европейские страны рассматривают эту политику в более среднесрочной перспективе, во многом по причине того, что система социального обеспечения (принцип солидарности) защищает тех, кто подвергается неблагоприятному воздействию превратностей цикла; Соединенные Штаты применяют более активный подход к обеспечению экономического роста и занятости в краткосрочном плане, во многом ввиду меньших масштабов такой защиты. Учитывая эти структурные различия, при проведении сравнительных оценок макроэкономической политики необходимо уделять больше внимания показателям экономического роста и инфляции, чем циклическим изменениям в установках политики. В этой связи можно отметить, что показатели по Европе, измеренные с учетом циклической изменчивости объема производства или занятости, сопоставимы с показателями по США, а, возможно, и превышают их. Противоположные мнения в основном отражают нечто более устойчивое — более долгосрочное снижение темпов экономического роста в Европе.

Неприемлемо высокая цена солидарности?

Многие считают, что причиной снижения темпов экономического роста в Европе являются чрезмерно щедрые механизмы социального обеспечения, которые, ослабляя стимулы к труду и защищая предприятия и работников от дисциплинирующей конкуренции, наносят невосполнимый ущерб доходам на душу населения. Согласно такому мнению, это приводит к значительному недоиспользованию трудовых ресурсов и замедляет процесс внедрения новых технологий и приспособления к меняющимся источникам сравнительных преимуществ.

В действительности все не так просто. На протяжении ряда лет в Европе проводилось множество реформ, причем некоторые из них уже начали приносить отдачу. Многие из этих реформ были призваны повысить спрос на рынке труда либо путем ограничения заработной платы и других мер, направленных на снижение стоимости рабочей силы, либо посредством мер по повышению гибкости рынков труда и привлечения новых участников. Аналогичным образом, инициатива по созданию единого рынка была направлена на преодоление «евросклероза» путем приведения в действие глубоких и широкомасштабных реформ товарных и финансовых рынков. Эти реформы продолжают идти своим курсом. В результате усилилась конкуренция, что способствует повышению эффективности, в том числе в плане использования рабочей силы на этих рынках.

Эти меры политики фактически позволили достичь большего, чем часто принято считать. В период с 1997 по 2003 год

Рисунок 2

Незанятое время

То ли по причине социальных предпочтений, то ли ввиду отсутствия стимулов к труду, в Европе работающее население имеет гораздо больше свободного времени, чем в США. (годовое число отработанных часов в расчете на одного занятого)

Источники: база данных Европейской комиссии—АМЕКО; аналитическая база банных ОЭСР; оценки сотрудников МВФ.

в зоне евро было создано почти 10 миллионов рабочих мест — на два миллиона больше, чем в США. Хотя резкое повышение уровня занятости замедлило рост производительности, это могло быть обусловлено временными проблемами, связанными с преобразованиями. Для того чтобы реформы начали приносить отдачу, нередко требуются не годы, а целые десятилетия, и показатели занятости в Европе, по всей вероятности, будут продолжать улучшаться. Следует отметить также неравномерное распределение темпов экономического роста по странам Европы. Эти показатели особенно низки в Германии — стране, в которой реформы рынка труда откладывались дольше всего. В других странах темпы роста и уровень занятости, как правило, выше. Фактически наиболее высокие показатели отмечаются в менее крупных странах с более открытой экономикой, отчасти потому, что сочетание солидарности и дисциплины позволяло этим странам принимать более комплексные и решительные меры политики. То же можно сказать о скандинавских странах, где действуют самые мощные системы социального обеспечения.

Тем не менее существуют различия между доходами на душу населения в США и практически в каждой стране ЕС, и здесь более важный вопрос заключается в том, обусловлены ли эти различия чрезмерной солидарностью или «социальным выбором», то есть готовностью отказаться от более высоких доходов на душу населения ради определенных социальных целей, таких как увеличение продолжительности свободного времени. Разница между уровнями доходов на душу населения в США и Европе примерно наполовину связана с тем, что европейцы работают меньше часов в расчете на одного человека: примерно 1500 часов в год, по сравнению с 1800 часами в США (см. рис. 2). Многие европейские исследователи считают это предпочтением, отдаваемым досугу по сравнению с работой при существующем уровне оплаты труда. Согласно противоположному взгляду, основанному на данных о том, что 30 лет назад годовое количество рабочих часов было одинаковым в США и Европе, существующая разница отражает серьезное ослабление стимулов к труду за

1995 Австрия, Финляндия и Швеция вступают в ЕЭС.

1997 Государства-члены ЕС принимают Пакт и стабильности и росте.

1999 С необратимой фиксацией курсов валют стран-членов по отношению к евро ЕВС и евро становятся реальностью.

последние 30 лет, вызванное попытками «распределения» занятости. Учитывая, что в результате старения населения эпоха избыточного предложения рабочей силы в Европе вскоре сменится эпохой сокращения трудовых ресурсов (см. рубрику «Представьте себе» на с. 20), перспективы экономического роста частично зависят от того, какая из этих двух точек зрения окажется верной, а также от того, будут ли изменены стимулы, если они имеют значение.

Как бы то ни было, перемены уже не за горами, отчасти потому, что существует желание лучше подготовиться к последствиям глобализации и внедрения новых технологий. Некоторые изменения станут необходимыми также в силу экономических аспектов старения населения и укрепления дисциплины. Если ситуация не изменится, налогово-бюджетная политика во многих странах окажется экономически неприемлемой, учитывая резкий прирост коэффициентов государственного долга. Поэтому стремление к укреплению финансовой дисциплины уже само по себе должно заставить провести преобразования. Однако вопрос о том, будут ли эти преобразования способствовать ускорению темпов экономического роста, остается открытым. Правительства многих стран предпочитают решать проблему старения населения не путем рационализации системы социального обеспечения, а путем достижения профицита бюджета. Это снижает проценты, подлежащие уплате по государственному долгу, что дает правительствам больше возможностей покрывать предстоящее увеличение государственных расходов на пенсионное обеспечение и здравоохранение, не ухудшая состояние бюджета. Такой подход, вполне соответствующий традициям дисциплинированного в финансовом отношении государства всеобщего благосостояния, не меняет систему стимулов и никак не способствует улучшению перспектив экономического роста.

Дальнейшие перспективы

Поскольку солидарность и дисциплина считаются основой послевоенной экономической истории Европы, можно предположить, что европейский континент по-прежнему стремится к большей согласованности между этими принципами. Следует приветствовать всеобъемлющий характер Союза, которому способствовала солидарность. Однако сожаление вызывает защита заинтересованных сторон, медленная адаптация к изменениям, а также замедление темпов экономического роста и, как следствие, периодические «рывки к росту» или непосильные сокращения налогов, тоже побуждаемые замедлением темпов. Наоборот, дисциплина и тяжелые условия, заставившие соблюдать ее, обеспечивают действенное средство, способствующее необходимым изменениям, и реформы. Это должно привести к улучшению экономических показателей в предстоящие годы. Но дисциплина слишком часто принимала форму ограничений (сначала в отношении валютного курса, а теперь, менее строго, в отношении налогово-бюджетной политики). Поэтому происходившая в результате корректировка экономической политики, как правило, представляла собой ответную реакцию на сложившуюся ситуацию, была асимметричной и недостаточно дальновидной, особенно в более крупных странах.

Последствия этих противоречий для политики регулирования спроса в краткосрочном плане относительно невелики.

Хотя в периоды экономических спадов риторика достигает своего апогея (как было в последнее время), в действительности меры налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики в целом были приемлемы для преодоления циклического аспекта спадов, особенно если признать значение дисциплины для сохранения обоснованного долгосрочного курса. Если же возникает проблема, связанная с краткосрочным регулированием спроса, то это связано скорее с отсутствием дисциплины в крайней точке цикла, когда набирают силу подавленные инстинкты солидарности. Однако эти проблемы влияют прежде всего на краткосрочную изменчивость темпов роста, а не на их тренд.

Долгосрочные последствия этих факторов более существенны: здесь серьезную проблему, особенно на национальном уровне, продолжают представлять неурегулированные противоречия между солидарностью и дисциплиной. В силу основанного на солидарности стремления сохранить статус-кво избиратели противятся перспективным реформам и настаивают на том, чтобы им представили осязаемые, прямые и непосредственные доказательства наличия проблемы, прежде чем согласиться с необходимостью ее решения. Поэтому реформы, как правило, носят частичный и эпизодический характер, хотя очень многие считают, что для достижения устойчивого экономического роста необходимы глубокие, перспективные и все более трудные с политической точки зрения реформы (см. статью «Болезни роста» на с.16).

Следовательно, хотя проведенные ранее реформы могут в конечном счете привести к улучшению экономических показателей в предстоящие годы, темпы роста, тем не менее, могут оказаться неудовлетворительными, а дисциплина и трудные условия, по всей вероятности, останутся необходимыми движущими силами реформы. Действительно, если изложенные выше результаты анализа более или менее отражают реальную ситуацию, едва ли правильно считать, что ПСР отжил свое. Хотя в ПСР могут быть внесены коррективы с учетом приобретенного опыта, его главная суть, состоящая в ограничении политического и социального давления при помощи бюджетных инструментов и в поощрении необходимых реформ, по всей вероятности, сохранится.

Но структурные преобразования, обусловленные стремлением к укреплению дисциплины, — не лучшее решение. Вместо этого необходим более перспективный и основательный подход к реформе, в рамках которого солидарность и дисциплина согласуются благодаря мерам политики, обеспечивающим более высокие долгосрочные темпы экономического роста. Такой подход вполне возможен. Некоторые менее крупные страны применяли его и добились определенных успехов. Кроме того, в масштабах всего континента европейская интеграция свидетельствует о широте и перспективности стремления к солидарности. Однако для проведения тщательно продуманных реформ на национальном уровне, особенно в более крупных странах, необходим опыт (и, возможно, определенный элемент удачи). Но прежде всего для этого требуется готовность политиков и избирателей видеть перспективу, не ограничиваясь рамками текущего избирательного цикла. ■

Майкл Денплер — директор Европейского департамента МВФ.

2001 С 1 января банкноты и монеты в евро заменяют национальные валюты 12 стран Европы.

2003 Вступает в силу договор, заключенный в Ницце, в котором оговариваются правила функционирования расширенного ЕС.

2004 Первого мая к ЕС присоединяется 10 новых стран: Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чешская Республика и Эстония.